

УДК 902/904(571.1):39(=161/1)"16/18"
DOI: 10.17223/19988613/56/20

Ф.С. Татауров

РУССКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО СИБИРЯКА

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

В процессе освоения Сибири сформировался комплекс предметов материальной культуры, отражающий культурную принадлежность и мировоззрение русского сибиряка. Одним из источников для его воссоздания могут стать погребальные комплексы. Анализируется археологический материал русских некрополей как источник для реконструкции социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в XVII – первой половины XIX в.

Ключевые слова: русские; Западная Сибирь; погребальные комплексы; XVII–XIX вв.; социально дифференцирующие признаки; социально-культурный облик.

В конце XVI в. начался процесс присоединения Западной Сибири к Российскому государству. Русские переселенцы с Поморья, Центральной Руси и Урала принесли на новое место проживания свои традиции, жизненный уклад и материальную культуру. Однако природно-климатические особенности Сибири и иногородское окружение повлияли на изменения в комплексе предметов материальной культуры, отражающих культурную принадлежность и мировоззрение русского сибиряка. Материалы археологических исследований фиксируют произошедшие изменения как в социально-бытовой среде (дом, усадьба, населенный пункт), так и в личном имущественном комплексе (костюм, столовая утварь, посуда, курительные трубки и т.п.) [1–3].

Изучение социального строя обществ по археологическим материалам – идея не новая, ее привнесли в сферу научных исследований еще в 60-х гг. XX в. По данной проблеме опубликован ряд фундаментальных работ, в которых погребальный обряд рассматривается как один из основных индикаторов социальной стратификации [4–7]. Критериями социальной дифференциации выступали: размер надгробного сооружения, характеристики погребальной камеры и сопроводительный инвентарь. Возвращаясь к русскому обществу Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. обратим внимание на то, что погребальный обряд рассматривался не столько в качестве самостоятельной проблемы по реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка, но преимущественно в плане комплексной характеристики захоронений и погребального инвентаря, датировки погребений, анализа особенностей погребальной практики [8–10].

Цель статьи – по материалам археологических исследований установить, какие элементы погребального обряда можно рассматривать как социально дифференцирующие при реконструкции социально-культурного

облика русского населения Западной Сибири в XVII – первой половины XIX в.

Для периода XVII – первой половины XVIII в. историками пока не выявлены черты, характерные для погребального обряда русского населения Западной Сибири в целом. Для второй половины XVIII–XIX вв. такая работа проведена А.А. Воробьевым-Исаевым, который выявил особенности православных захоронений рассматриваемого периода.

1. Грунтовый способ захоронения, концентрация могил группами на территории кладбища, рядность в их расположении.
2. Наличие дощатых гробов, скрепленных гвоздями и скобами, или долбленых колод.
3. Наличие на дне колод отверстия, стружек, подушки под головой, наполненной березовыми листьями, или березового веника.
4. Хоронили, вытянуто, на спине, головой на запад.
5. Руки клали скрещенными на груди (кисть правой на кисть левой).
6. Умершего обряжали в специальную погребальную одежду, или обычную – повседневную, праздничную.
7. Наличие атрибутов веры – нательного креста, иконок, писания, цветов.
8. Отсутствие украшений из металлов (кроме меди) и бытовых предметов обязательно.
9. Наличие монет в грунтовой яме или на крышке гроба (колоды).
10. Если присутствует погребальное сооружение, то, как правило, это помост и покрытие из толстых плах [11. С. 193]. Опираясь на эту работу, можно проследить динамику изменения обрядности в сравнении с материалами более ранних памятников.

В период XVII – первой половины XIX в. проявилось неоднозначное отношение «новожильского» населения в разных регионах Западной Сибири к од-

ним и тем же элементам погребального обряда [12. С. 158, 166]. Сложным также представляется вопрос интерпретации часто находимых в погребениях XVIII–XIX вв. так называемых старообрядческих крестовельников, основные формы, иконография и декор которых сложились в XVII в., еще до раскола [13. С. 216–217]. Поэтому соотносить эти предметы с социально-культурным обликом сибирских старообрядцев неправомерно.

Можно выделить два основных элемента погребального обряда, которые характеризуют социально-культурный облик русского сибиряка: среда (место и особенности захоронения) и имущественный комплекс, сопровождающий умершего. Рассмотрим их последовательно.

В изучаемый период в русских городах Сибири существовала практика устраивать кладбища около церквей. За этим стояло особое отношение к пространству некрополя, вдвойне сакрального в случае его близости к культовому объекту, в частности, в Томске многие из служилых людей желали быть погребенными близ особенно почитаемого соборного храма Св. Троицы [14. С. 87]. В Кузнецком остроге в XVII–XVIII вв. кладбище было расположено внутри стен, вокруг Преображенского храма [15. С. 416–418].

По способу погребения могилы разделяются на захоронения в деревянных долбленых колодах (домовинах) и гробах, сколоченных из досок. Предположение, сделанное по этнографическим и письменным данным, о том, что колоды – атрибут XVII–XVIII вв., а гробы приходят им на смену в XIX в. [9. С. 90], не согласуется с археологическими материалами, что видно из приведенных ниже примеров.

Раскопки второго городского кладбища Тобольска, датируемого XVII в., свидетельствуют о том, что в колодах хоронили преимущественно детей, а для взрослых изготавливали гробы из досок, что, по мнению автора, объясняется нехваткой толстоствольного леса в окрестностях Тобольска [16. С. 51–52]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецком остроге из 12 захоронений одно было сделано в гробу, остальные – в колодах. Три исследованных захоронения некрополя села Ильинского (XVIII в.), расположенного неподалеку от Кузнецка, совершены в колодах [15. С. 418–419]. На некрополе памятника Изюк-I в Омском Прииртышье (XVIII в.) в 261 погребении было всего два гроба, одно детское захоронение в люльке, остальные 258 захоронений – в колодах [9. С. 56]. На Горноправдинском некрополе второй половины XVIII–XIX в. зафиксированы в 29 случаях захоронения в колодах, 6 – в гробах [17. С. 24].

Место захоронения на кладбище как части социально-бытовой среды обнаруживает параллель с местом жилища в планиграфии поселения: чем ближе к центру располагался дом, тем выше статус человека, который в нем проживал, чем ближе могила расположена к церкви, тем выше статус погребенного. Выбор погребальной конструкции (колоды или гробы) не несет в себе

социально маркирующих черт. По имеющимся материалам нельзя сказать также о более высокой статусности гробов в сравнении с колодами.

Немногочисленные захоронения в кирпичных склепах XVIII в., обнаруженные на прицерковных кладбищах Тобольска [10. С. 20], напротив, обладают повышенной статусностью. Сооружение подобных намогильных конструкций характерно для захоронений людей, обладавших высоким социальным положением (высшее духовенство, дворяне, чиновники).

В захоронениях XVII–XVIII вв. погребальный вещевой комплекс немногочислен. Его можно разделить на несколько категорий: предметы личного благочестия (нательные и наперсные кресты), одежда, обувь, украшения. Нательные кресты присутствуют как в русских, так и в инородческих некрополях Западной Сибири. Стоит обратить внимание на то, что, судя по материалам аборигенных памятников, в XVIII в. кресты воспринимались местным населением в качестве оберега, отношение к новой вере было формальным. При этом принятие христианства давало коренному населению возможность поступить на военную службу, приблизиться по статусу к русским, обеспечить лучшие условия по сравнению с некрещеным населением [18. С. 116–120].

Однако в ходе обобщения материалов с западносибирских некрополей установлено, что и русские в Сибири в XVII в. не имели традиции класть нательный крестик в могилу вместе с умершим. Так, в 73 погребениях на втором городском кладбище XVII в. в Тобольске не обнаружено ни одного креста [16. С. 52]. При этом на Никольском кладбище Тобольска начала XVIII в. кресты уже появляются, хотя там исследовано меньше погребений – 47 [19. С. 17]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецке в 12 изученных могилах крестов не обнаружено. В некрополе села Ильинского (XVIII в.), там же в верхнем Притомье, крестики присутствовали, но в основном в женских и детских погребениях [15. С. 418–420]. На некрополе XVIII в. Абалакского мужского монастыря нательные кресты найдены «практически во всех» 221 захоронениях [20. С. 158–160]. На русских памятниках Прииртышья Ананьино-I (вторая половина XVII – XVIII в.) и Изюк-I (XVIII в.) нательные кресты обнаружены в 23 из 56 (41%) и в 207 из 262 (80%) могилах соответственно [21. С. 225].

В Горноправдинском могильнике в Нижнем Прииртышье (вторая половина XVIII–XIX в.) кресты найдены в 18 из 34 захоронений (53%) [17. С. 25]. В некрополях Верхнеобского региона XIX – начала XX в. (Нагорное кладбище г. Барнаула, могильники Староалейка-2, Матренка (Петени), кладбище Умревинского острога) нательный крест есть лишь в 17,3% погребений из 1106, что объясняется обычаем прижизненной передачи крестов по наследству [11. С. 199]. Интересен факт отсутствия крестов более чем в 300 погребениях XVII–XVIII вв. на кладбище Свято-Троицкого собора г. Томска (раскопки С.М. Чугунова). Вместе со сведениями о

равнодушии томских жителей к исполнению религиозных обязанностей и обычаев возникает версия об отсутствии традиции носить крестик при жизни и оставлять его на покойнике [11. С. 199; 22. С. 18–19].

Для сравнения можно использовать материалы раскопок Илимского острога в Восточной Сибири, где самые ранние захоронения датируются 1719 г.: там кресты обнаружены в 215 из 336 (64%) могил [23. С. 26].

Как видно из анализа материалов русских некрополей Сибири XVII–XIX вв., практика использования нательных крестов в погребальном обряде относится к позднему периоду. С одной стороны, это облегчает датировку изучаемого комплекса, с другой – фиксирует важную черту в эволюции социально-культурного облика русских сибиряков в указанный период. В основном нательные кресты изготавливались из медных сплавов, кресты из драгоценных металлов (серебро, золото) говорят об особом статусе и / или достатке владельца. Особый интерес представляет находка на памятнике Изюк-I католического креста [24. С. 158–162], имеющего аналоги в Крестовоздвиженском некрополе г. Иркутска [25. С. 223]. Подобные предметы дополняют социально-культурный облик служилой «литвы», проживавшей в Сибири в XVII–XVIII вв.

Отдельно стоит отметить наперсные кресты как исключительный атрибут священства, в частности, такой предмет найден на памятнике Изюк-I [24. С. 158–162]. А также находки медальонов в двух детских погребениях Горноправдинского некрополя [17. С. 25].

Можно сделать вывод, что роль нательных крестов в характеристике социально-культурного облика русского сибиряка неоднозначна. С одной стороны, это символ христианской веры, отличающий русских переселенцев от аборигенов-язычников. С другой стороны, по данным погребальных комплексов и письменных источников мы не можем установить обязательность ношения креста русскими в XVII в. [12. С. 154–166]. Добавим, что по результатам спектрального и химического анализа состава сплавов крестики (из Илимского острога и Прииртышья) [21. С. 226] датируются более поздним – XVIII в.

Достаточно многочисленной категорией вещей в захоронениях является обувь. В XIX – первой трети XX в. этнографически зафиксировано стойкое длительное сохранение многих восточнославянских традиций в погребальной одежде, в частности обязательное наличие обуви у умерших. Ее можно разделить на бытовую, носимую при жизни, и «покойницкую», ритуальную. Основной ритуальной обувью служили калиты, которые с начала XVII в. использовали не только для погребений монахов, знати, но и рядовых мирян [26. С. 7].

Изготовление погребальной обуви было стандартизировано. На основе анализа материалов с памятников Изюк-I и Ананьино-I в Омском Прииртышье В.Б. Богомоловым и Л.В. Татауровой сделаны важные наблюдения. 1. Высокое качество изделий говорит о том, что погребальную обувь шили заблаговременно и не использовали до дня погребения (это подтверждается

отсутствием износа и нефункционально тонкой подошвой). 2. Для реконструкции социально-культурного облика русских сибиряков важен факт почти полного совпадения технологии пошива ритуальной и бытовой обуви. 3. Несмотря на существовавшую традицию, обувь, так же как и нательные кресты, встречается далеко не во всех захоронениях. Так, в некрополе памятника Изюк-I она представлена 18 экземплярами в погребениях мужчин и 24 – у женщин, а также двумя в детском. Всего обнаружено 43 пары обуви в 261 погребении (16%). В могильнике на памятнике Ананьино-I обувь найдена лишь в одной могиле из 48 (2%) [26. С. 8, 11–13].

Исследователи некрополей Тобольска упоминают факты нахождения погребальной обуви («калиты») как для XVII в., так и для XVIII в., однако их количество не указано [10. С. 21; 16. С. 52; 19. С. 17]. Отмечены также находки нескольких пар обуви «сложной конструкции» [10. С. 21]. Кожаная погребальная обувь была обнаружена и в ходе раскопок некрополя Абалакского мужского монастыря [20. С. 159].

Особая «покойницкая» обувь встречается не на всех погребальных комплексах. Так, сапоги, в которые был обут погребенный в могильнике Мигалка, относятся к бытовой обуви, распространенной в Томске в XVII–XVIII вв., при этом, судя по декору, статусной [27. С. 68–72]. В материалах Горноправдинского некрополя второй половины XVIII–XIX вв. кожаная обувь встречена во всех взрослых погребениях: в мужских – сапоги (в целом или фрагментированном виде), в женских – чирки или ботиночки [17. С. 25].

Таким образом, в XVII – первой половине XVIII в. использование погребальной обуви – калиты – было традиционным. Можно проследить эволюцию социальной значимости обуви в погребениях. В XVII в. обувь становится атрибутом погребения не только священства, но и других социальных групп русского общества, при этом практически отсутствует в детских погребениях. С середины XVIII в. в могилы кладут бытовую обувь, использовавшуюся при жизни, поэтому ее можно соотносить с материалами поселений второй половины XVIII – начала XIX в. и использовать при реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка.

Одежда сохраняется гораздо хуже. По письменным и этнографическим данным установлено, что одежда разных социальных слоев русского населения была одинакового покроя, только у высших сшита из бархата, атласа и парчи, а у низших – из недорогого, нередко самодельного сукна [28. С. 144–149]. Дифференциация тканей помогает интерпретировать статус погребенного в соответствии с обнаруженными в могиле фрагментами тканей. Например, в могильнике Изюк-I из 30 рассмотренных фрагментов лишь один (в женском погребении) оказался шелковым (тафта китайского или среднеазиатского происхождения) [29. С. 332]. Возможно, похороненная женщина принадлежала к слою людей с более высоким статусом, чем остальное насе-

ление, могла быть женой или дочерью казака либо даже относилась к сословию «детей боярских».

Для памятников конца XVIII–XIX вв. характерна лучшая сохранность ткани в могилах. Появляются находки, прямо указывающие на социальный статус погребенного (например, чиновничий или военный мундир). Одежда, даже не привязанная к конкретной социальной группе, может дать понимание о костюмном комплексе. Так, в Горноправдинском могильнике обнаружен представительный ассортимент предметов одежды: пальто из сукна, женский халат с вышивкой по вороту, мужская рубаша, женские косынки, детские шерстяные носочки, пояса, портянки, носки чулочной вязки [17. С. 25]. В одном из погребений некрополя найдены фрагменты шелковой камки золотистого цвета с вытканым узором и орнаментальные композиции из бисера на воротнике и манжетах [30. С. 284], что говорит об особом социальном статусе похороненной в нем женщины.

Социально значимой, хотя и немногочисленной, категорией в русских погребениях выступают украшения – как одежды, так и тела. К первым относятся стеклянные пуговицы. Эти предметы разных размеров и форм (плоские, диско-, шаро-, куполообразные и т. д.) играли важную роль в оформлении костюма. Пуговицы были элементом элитарного костюма, так как одежда низших социальных слоев русского населения Сибири в XVII – начале XIX в. изготавливалась без застежек [31. С. 28–36].

В Горноправдинском некрополе в 34 погребениях обнаружено 34 пуговицы, из них 30 стеклянных, 3 деревянные, 1 янтарная [17. С. 25]. По материалу пуговицы можно разделить на наиболее (янтарная) и наименее (деревянные) статусные.

В том же некрополе в одной из женских могил найден разнообразный набор украшений одежды: бусы, бронзовые нашивки, бубенчики [Там же]. Вероятно, погребенную женщину – представительницу коренных народов Сибири, похоронили в традиционной одежде, хотя она была крещеная (в могиле присутствовал нательный крест). Набор инвентаря в погребении дает возможность выявлять различия социально-культурного облика русских сибиряков и представителей местных народов.

В других некрополях Западной Сибири украшений обнаружено крайне мало. На одном из участков клад-

бища XVIII в. Кузнецкого острога в двух погребениях в ушах женщин найдены серьги из белого металла (возможно, из низкопробного серебра) со стеклянными и жемчужными подвесками [15. С. 420–422]. Украшения, обнаруженные в могилах, имеют прямое отношение к социальному положению погребенного, как и на более ранних памятниках. В погребениях западносибирских некрополей также встречаются единичные находки икон, церковных свечей, веревок, веников, но эти предметы нельзя отнести к социально маркирующим.

Отношение к смерти во все времена было важной частью мировоззрения человека, что отражает погребальный обряд. Могильники ранних эпох содержат разнообразные и информативные данные о социальной стратификации, о положении в обществе женщины и мужчины, признаки, характерные для представителей той или иной социальной группы. Для некрополей Нового времени ситуация иная. Погребения достаточно стандартизированы, вещевой комплекс в захоронениях немногочислен. Однако подробный анализ имеющихся данных позволяет сделать некоторые выводы. Выбор погребальной конструкции (колоды или гробы) не несет в себе социально маркирующих черт. Неявным социально различающим свойством обладала покойницкая обувь (калиги), присутствующая не только в погребениях священства, но и других социальных группах русского общества.

Социально-дифференцирующую нагрузку несли следующие элементы погребального обряда, зафиксированные археологически: место захоронения относительно центра кладбища (церкви); наличие или отсутствие надмогильного сооружения (склепа); наперсные кресты как исключительный атрибут священства; появление в XIX в. крестов-тельников из драгоценных металлов; одежда из дорогих привозных тканей (шелка, атласа, бархата); форменная одежда (мундир); аксессуары костюма (пуговицы, позумент, украшения из дорогих материалов). В целом материалы некрополей XVII – первой половины XIX в. являются важным источником для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка. Не все элементы погребального обряда в равной мере несут социально-дифференцирующую нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люцидарская А.А. Вещный мир сибирского горожанина XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 141–145.
2. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
3. Татауров Ф.С. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII в. (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 347–351.
4. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. : Наука, 1976. 197 с.
5. Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса : Друк, 2001. 244 с.
6. Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. 209 с.
7. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург : УроРАН, 2011. 204 с.
8. Бердников И.М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2011. С. 275–282.
9. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1. Омск : Апельсин, 2010. 284 с.
10. Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII вв. в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 19–21.

11. Воробьев-Исаев А.А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // *Культура Русских в археологических исследованиях* : сб. науч. ст. Омск, 2008. С. 192–201.
12. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : ОмГУ, 2005. С. 154–168.
13. Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX в. (к вопросу о старообрядческих крестах) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : Апельсин, 2008. С. 202–221.
14. Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2013. № 3 (23). С. 81–90.
15. Ширин Ю.В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский филиал РГТЭУ, 2011. С. 416–422.
16. Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора // *Наследие Тюменской области*. 2013. № 1 (3). С. 50–53.
17. Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 23–27.
18. Чёрная М.П. Роль христианизации в русской колонизации (XVII–XIX вв.) // *Американские исследования в Сибири*. Вып. 2: Американский и сибирский фронт. Томск : ТГУ, 1997. С. 115–124.
19. Аношко О.М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // *Наследие Тюменской области*. 2015. № 1 (5). С. 11–18.
20. Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII вв. в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 154–167.
21. Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // *Вестник Омского университета*. Сер. Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 220–231.
22. Чёрная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // *От Смуты к Империи*. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 14–23.
23. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Инфолио, 2007. 248 с.
24. Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк-I // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Омск : Наука, 2012. Т. 12. С. 158–162.
25. Кром И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // *Вестник ОмГУ*. Сер. Исторические науки. 2012. № 4. С. 222–226.
26. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 7–18.
27. Чиндина Л.А., Черная М.П., Володина В.С., Капитонова М.А. Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка // *Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири*. Томск, 2003. С. 68–72.
28. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М. : Наука, 1981. 270 с.
29. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананыно-I // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : Апельсин, 2008. С. 326–333.
30. Глушкова Т.Н., Зайцева Е.А. Текстиль XVIII–XIX вв. (по материалам могильника Горноправдинский) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский филиал РГТЭУ, 2011. С. 283–290.
31. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. // *Вестник ЧГУ*. Сер. История. 2013. Вып. 55, № 12 (303). С. 28–36.

Tataurov Phillip S. Omsk State Technical University (Omsk, Russia); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: fil_opossum@mail.ru

RUSSIAN BURIAL COMPLEXES OF WESTERN SIBERIA OF THE XVII - FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF A RUSSIAN SIBERIAN

Keywords: Russians; Western Siberia; burial complexes; XVII-XIX centuries; socially differentiating features; social and cultural image.

The study of ancient societies' social system on the materials obtained during burial grounds investigation has been practiced in science for a long time. However, such data were not involved to study the Russian society of Western Siberia in the XVII - first half of the XIX centuries. This work's **purpose** is to find out which elements of the burial complex can be considered as socially differentiating in reconstruction of the socio-cultural image (complex of material culture objects, reflecting cultural affiliation and worldview) of the Russian population of the above mentioned period and region. **Methods.** The archaeological material of Russian necropolises of the West Siberian region is analyzed using the comparative historical method, which allows matching groups of status things in time dynamics, to establish cause-and-effect relations, and to determine the changes nature in the social perception of specific categories of items. The archaeological context of burials is considered through a prism of the social and everyday domestic environment (a burial place and features) and clothing complex (crosses worn on the neck, costume elements). **Sources.** The study's source base was based on the published archaeological materials of the XVII - the first half of the XIX century from the necropolises of Tobolsk, Tomsk, Kuznetsk, rural monuments of the Omsk Irtysh region (Ananyino-I, Izyuk-I), Abalaksy monastery, Gornopravdinsky necropolis, etc. **Conclusions.** When considering the social environment, a burial place relative to the center of a cemetery (church) is important; a presence or absence of a tomb structure (crypt) depends on the status of a buried. The funerary constructions (a coffin of boards or of a single log with the hollowed middle) are not socially differentiated among themselves. The funeral costume complex presented in burials is divided into four main categories: items of personal piety (worn on a neck and ring crosses), clothes, shoes, jewelry. The presence/absence of worn on a neck crosses in the graves fixes well the changes, which occurred in the funeral rite of Russian Siberians. In the XVII century there are practically no such items in the graves, for the XVIII century their finds in the necropolises are becoming quite numerous, in the XIX century crosses from precious metals also appeared, which is another marker of social differentiation. The funeral footwear presented in graves during the studied period undergoes a certain evolution. In the XVII century the use of kaligs (special funeral footwear) is included in the practice of wide social strata of the Russian Siberian society; from the middle of the 18th century the dead are buried in the shoes used during their lifetime. Clothes preserve much worse, however even the fabric remains from burials of the 17-18 centuries can be classified by degree of social significance from silk, satin, velvet to woolen, linen and homespun cloth, and more often canvas. There is a little jewelry in graves, and only items made of expensive materials could mark higher social status and wealth of the buried.

Not all elements of a burial complex are equally socially differentiating, but in general, the materials of the necropolis of the XVII - the first half of the XIX century are an important source for the reconstruction of the socio-cultural image of a Russian Siberian.

REFERENCES

1. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Veshchnyy mir sibirskogo gorozhanina XVII veka [The real world of a seventeenth-century Siberian citizen]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(21). pp. 141–145.
2. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomске. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Voivoda manor in Tomsk in the 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
3. Tataurov, F.S. (2017) Novatsii v material'noy kul'ture russkikh Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XVIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Innovations in the material culture of Russians in Western Siberia in the 17th – first half of the 18th centuries (based on archaeological research)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 347–351.
4. Masson, V.M. (1976) *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv* [Economy and Social Structure of Ancient Societies]. Leningrad: Nauka.
5. Ivanova, S.V. (2001) *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [The social structure of the population of the Yamnaya culture of the North-Western Black Sea region]. Odessa: Druk.
6. Matveeva, N.P. (2007) *Rekonstruktsiya sotsial'noy struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym* [Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data]. Tyumen: Tyumen State University.
7. Berseneva, N.A. (2011) *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury* [Social archeology: age, gender and status in the burials of the Sargat culture]. Ekaterinburg: UrB RAS.
8. Berdnikov, I.M. (2011) Nekropoli Irkutsk XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Necropolis of Irkutsk in the 18th – 19th centuries. Results of archaeological research]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 275–282.
9. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izyuk-1* [The Russian funeral rite in the Middle Irtysh in the 17th – 19th centuries. According to the materials of Izyuk-1]. Omsk: Apel'sin.
10. Danilov, P.G. (2014) Nekropoli XVII–XVIII vv. v strukture gorodskoy zastroyki Tobol'ska v svete arkheologicheskikh i istoricheskikh materialov [Necropolis of the 17th – 18th centuries in the structure of urban development of Tobolsk in the light of archaeological and historical materials]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 19–21.
11. Vorobyov-Isaev, A.A. (2008) Dukhovnaya storona pravoslavnogo obryada pogrebeniya po arkheologicheskim istochnikam [The spiritual side of the Orthodox burial rite according to archaeological sources]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 192–201.
12. Samigulov, G.Kh. (2005) K voprosu o pogrebal'nom obryade russkikh Urala i Sibiri XVIII v. [On the Russian burial rite in the Urals and Siberia in the 18th century]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 154–168.
13. Samigulov, G.Kh. (2008) Eshho raz o litykh krestakh-tel'nikakh kontsa XVII – serediny XIX v. (k voprosu o staroobryadcheskikh krestakh) [Once again about cast crosses calves of the end of the 17th – the middle of the 19th centuries (on the issue of Old Believer crosses)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 202–221.
14. Chernaya, M.P. (2013) Methodical and source-studying approaches to a solution of the problem of historical objects' localization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 81–90. (In Russian).
15. Shirin, Yu.V. (2011) Pogrebal'nyy obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. [The funeral rite of the Christian cemeteries of the near Tom area in the 17th–18th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 416–422.
16. Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2013) Arkheologi otkryvayut tayny Sofiyskogo sobora [Archaeologists discover the secrets of St. Sophia Cathedral]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1(3). pp. 50–53.
17. Zaytseva, E.A. & Kenig, A.V. (2014) Pogrebal'naya obryadnost' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Nizhnego Priirtysh'ya XVIII–XIX vv. (po materialam raskopok mogil'nika Gornopravdinskiy) [The funeral rites of the old Russian population in the Lower Irtysh of the 18th – 19th centuries (based on materials from the excavation of the Gornopravdinsky burial ground)]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 23–27.
18. Chernaya, M.P. (1997) Rol' khristianizatsii v russkoy kolonizatsii (XVII–XIX vv.) [The role of Christianization in the Russian colonization (the 17th – 19th centuries)]. In: Pelipas, M.Ya. (ed.) *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 115–124.
19. Anoshko, O.M. (2015) Arkheologicheskie issledovaniya kul'turnogo sloya pervoy rossiyskoy stolitsy Sibiri [Archaeological studies of the cultural laer of the first Russian capital of Siberia]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1(5). pp. 11–18.
20. Danilov, P.G. (2012) Pravoslavnyy nekropol' XVII–XVIII vv. v sele Abalak Tobol'skogo rayona: itogi i perspektivy issledovaniy [Orthodox necropolis of the 17th – 18th centuries in the village of Abalak, Tobolsk District: Results and Perspectives of Research]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 11(7). pp. 154–167.
21. Tataurova, L.V. & Tishkin, A.A. (2018) Results of X-Ray fluorescence analysis of cult casting products from the collections of archaeological objects of the 17th – 18th centuries among the Russian population of the Omsk Near-Irtysh Area. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – *Herald of Omsk University. Historical Studies*. 1(17). pp. 220–231. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231
22. Chernaya, M.P. (2016) Sibirskiy opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskoy kontekste [Siberian experience of the development of space in the historical and archaeological context]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Ot Smuty k Imperii* [From the Troubles to the Empire]. Moscow; Volgda: Drevnosti Severa. pp. 14–23.
23. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Crosses worn next to the skin from the Ilimsk fortress]. Novosibirsk: Infolio.
24. Tataurova, L.V. (2012) Kharakteristika stavrograficheskikh materialov kompleksa Izyuk-1 [Characteristics of the stavrographic materials of the Izyuk-1 complex]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society]. Vol. 12. Omsk: Nauka. pp. 158–162.
25. Kromm, I.D. & Berdnikov, I.M. (2012) Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoy kolleksii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropoley g. Irkutsk [Identification of the possibility of dating the stavrographic collection of Omsk Irtysh by comparative analysis with materials from the Irkutsk necropolis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – *Herald of Omsk University. Historical Studies*. 4. pp. 222–226.
26. Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2014) Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funeral leather shoes of Russians of Omsk Irtysh of the 17th – 18th centuries]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 7–18.
27. Chindina, L.A., Chernaya, M.P., Volodina, V.S. & Kapitonova, M.A. (2003) Sapogi iz Tomskogo kremlya i mogil'nika Migalka [Boots from the Tomsk Kremlin and the Migalka burial ground]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaehznoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and ethnographic studies in the south-taiga zone of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 68–72.

28. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – seredina XIX v.* [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. The 18th – the middle of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
29. Glushkova, T.N. (2008) Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk-I i Anan'ino-I [Fabrics of the 17th century from the Russian burial grounds Izyuk-I and Ananyino-I]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 326–333.
30. Glushkova, T.N. & Zaytseva, E.A. (2011) Tekstil' XVIII–XIX vv. (po materialam mogil'nika Gornopravdinskiy) [Textiles of the 18th – 19th centuries (based on materials from the Gornopravdinsky burial ground)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 283–290.
31. Bogomolov, V.B., Tataurova, L.V. & Kravets, E.V. (2013) Rekonstruktsiya kostyuma russkikh Zapadnoy Sibiri po arkheologicheskim materialam XVII–XVIII vv. [Reconstruction of the Russian costume of Western Siberia according to archaeological materials of the 17th–18th centuries]. *Vestnik ChGU. Seriya: "Istoriya"*. 12(303). pp. 28–36.